

ИСТОРИЯ НАЧАВШАЯСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Загадка нетленности детектива, постоянства читательского и зрительского интереса, устойчивости авторских привязанностей к нему как жанру (в литературе, драматургии, кино) едва ли разрешима однозначно. И все же — попробуем.

из века в век погрязающий в грехах. И ни тотальное наказание Всемирным потопом, ни очищающее пришествие Искупителя не остановили

процесс повсеместного нарушения заповедей. Князь Тьма настолько вмешался в порядок мироздания, что крутые сюжеты современности обречены перепевать «черные» мотивы книги книг — Библии.

Так что, по всей вероятности, до Страшного суда будет продолжаться и в жизни, и в искусстве игра «Сыщик, ищи вора!».

Ирина ЗВЕГИНЦЕВА

Что в детективе главное — сюжет или драматургия образов? Каков социальный эффект жанра — со знаком «плюс» или «минус»? Ведь когда на телевидении идет какой-нибудь очередной «Спрут», пустеют улицы. Не пустеет ли одновременно в головах поклонников криминальных головоломок? Феномен детектива до сих пор исследуется со всех сторон. Вплоть до попыток отыскания его гносеологических корней.

Кстати, о корнях. Позволим себе глубоко не научное предположение — первое в истории человечества преступление было раскрыто... Вседержителем. За коварную попытку стать ровень с Богом из рая изгнаны прародители, а их сын Каин, уверенный в своем алиби, разоблачен невинно пролитой кровью, возопившей к небесам. Так, по Священному писанию, начал жить и плодиться род людской,

УБИЙСТВО ДЛЯ ОТВЛЕЧЕНИЯ

За сравнительно недолгий срок существования (отсчет условно ведется от повести Эдгара По «Убийство на улице Морг», опубликованной в 1841 году) детектив испытал и хвалу, и мулу. Снобы презрительно именуя книжки карманного формата в ярких глянцево-обложках «дешевым чтивом». А публика взахлеб их поглощает. По издательским подсчетам, «криминальные романы» составляют приблизительно четверть всей появляющейся ныне печатной продукции.

К столетию детектива Говард Хейкрофт выпустил литературоведческий трактат «Убийство для развлечения», где сформулировал основные принципы жанра. Логическая загадка прячется в динамичный сюжет, ведущий к триумфу героя и наказанию негодяя. Дуэль сыщика и преступника претерпевает ряд внезапных поворотов, недоразумений, создающих драматическое напряжение. Читателю необходимо представить все улики, но так, чтобы он не понимал их значения. Основные заповеди расследования: подозреваемого следует упомянуть раньше разгадки в финале, им не может оказаться сам сыщик, ему не должны помогать сверхъестественные силы. Повествованию следует доставлять читателю «интеллектуальное удовольствие», быть тестом на сообразительность.

Хотя в криминальных романах и допускается юмор, живописность деталей и фона, все это второстепенно и подчинено «умственному интересу», в жертву которому, в случае необходимости, они и приносятся. Любовная интрига не поощряется. Увлечение женщинами лишь отвлекло бы героев от выполнения основных задач. Детектив считался единственным современным жанром, классическим по форме. Сначала подозреваются многие. Они по очереди отсекаются. В конце убийцу арестовывают или он погибает.

Таковы были строгие каноны еще полвека назад. Однако даже тогда их соблюдали лишь авторы рядовых произведений детективного жанра. Лучшие же смело эти правила нарушали, создавая в результате романы и фильмы неординарные, выдающиеся, талантливые.

С конца 90-х и российские читатели наконец-то получили возможность познакомиться с произведениями Реймонда Чандлера, Дэйвида Хэммета, Джеймса Хедли Чейза, Микки Спилейна и других мастеров англо-американского детектива, держащего пальму первенства в этом жанре. Был ли случаен столь обильный поток криминальной литературы, выплеснутой на наши головы? Его нельзя объяснить лишь коммерческими соображениями, ибо важнее выяснить,

почему эти книги так охотно у нас покупают. Ведь человеческие вкусы и пристрастия диктуются и психологическими, и социальными причинами.

Речь идет не только о том, что в период общественных катаклизмов, когда существование, лишенное идеалов, становится зыбким, неустойчивым, материально трудным, людям хочется отключиться от повседневных тягот и окунуться в мир увлекательный и таинственный, полный самых невероятных событий и приключений, где торжествует Добро, Закон и Порядок, но и о том, что, как писал Гилберт Честертон, анализируя рассказы Конан-Дойла, «это пир логики, торжество здравого смысла». В абсурдном мире тоталитаризма подобные качества человеческого ума не в почете, им место лишь в демократическом обществе. В царстве идеологических догм их не жалуют, если, конечно, они непосредственно в эти догмы не укладываются. (Плохими романами о советских сыщиках, борющихся с теми, кто «кое-где еще порой честно жить не хочет», можно выложить дорожку от Огарева, 6 до Петровки, 38.)

Зарубежные же детективы, за редкими исключениями, вроде викторианских романов Агаты Кристи или социальных — «Стеклоанного ключа» Дэшила Хэммета, «Душной южной ночью» Джона Болла и ряда других — считались «упаднической» литературой и к нашему читателю не допускались. Иногда в этот отбор вторгались и выдвигались из пальцы идеологические соображения. Так, к примеру, в 70-е годы было приостановлено печатание в журнале «Дон» романа Фредерика Форсайта «День Шакала». Причина стала известна лишь много лет спустя: Суллов усмотрел в покушении на генерала де Голля аллюзии с нападением на Брежнева. В результате полностью с этим увлекательным повествованием советские читатели познакомились лишь в конце 80-х.

Особенная неприязнь питалась у нас к крутому детективу, представленному именами таких его мастеров, как Дэшил Хэммет и Реймонд Чандлер и их последователями Джеймсом Хедли Чейзом и Микки Спилейном. Оно и понятно: лучшие из них были не просто логической игрой, но и сколком с подлинной жизни, где бытуют и порнография, и наркотики, и жестокие убийства, и нецензурный язык.

Но у себя на родине произведения этих писателей давно уже стали классикой и были неоднократно экранизированы. Почему детективные ленты, зачастую вне зависимости от уровня художественности, обречены на успех?

Давно известно: привлекает все, что ужасает, если это, конечно, не вредит тебе лично. На протяжении всей человеческой истории не смолкают передаваемые из уст в уста устрашающие рассказы о ловких мошенниках, дерзких и удачливых ворах, хитроумных поединках с ними. И чем дальше от обыденной жизни, круга привычных забот стоят эти рассказы, тем большей популярностью они пользуются. Густы и страшная,

но экзотика, нечто из ряда вон выходящее. Положа руку на сердце, признаемся — это будоражит большинство из нас. Магнетизм безопасности, но дающего остроту ощущений переживания, волнующего кровь — вот первопричина читательского и зрительского успеха криминального романа или фильма.

Некоторые психоаналитики утверждают: Шекспир и Достоевский потому не сделали преступниками, что, изображая убийц в произведениях, тем самым изживали свои неблагоприятные наклонности. При этом литература и искусство оказываются чем-то вроде терапевтического лечения для художника и зрителя: средством уладить конфликт с бессознательным, не впадая в невроз. Фрейд считал, что так было на протяжении всей истории искусства, начиная с античной трагедии. Но интенсивность увлечения преступным и ужасным в разные времена не одинакова. Не раз отмечалось: в переломные эпохи психика людей становится особенно неустойчивой. Это, к примеру, наглядно выявилось во время промышленного переворота, что отразилось в творчестве Гофмана, По, Шатобрьяна, Гюго.

Научно-техническая революция середины XX века создала сходную ситуацию. Губительная мощь освобожденной человеком ядерной энергии, многочисленные экологические проблемы, необходимость приспособления к новым условиям «электронного века» — все это породило многочисленные страхи. Открывая клапан для выпуска этого «пара», этическая змоя в криминальном фильме во многом предотвращает раздражающее действие.

Большинству зрителей, как и всем нормальным людям, претит преступление. Но одновременно — в чем и состоит двойственность восприятия такого рода картин — расследование будирует нашу незатухающую жажду необычного. Страшная боль трансформируется в страшную сказку. Подавляющему числу людей вряд ли хочется стать ее героями. Но следить за происходящим со стороны — увлекательно.

Елена КАРЦЕВА